41. БѢГЛЯНКА.

Я проѣзжалъ по турецкой землѣ, какъ досталось мнѣ ночевать въ русской деревнѣ. Русскіе эти попали въ туречину давно, или лучше сказать, отцы и дѣды ихъ попали туда давно и остались подъ султаномъ; но многіе изъ нихъ, какъ напр. еще въ 1828 году, когда начиналась война съ турками, выпросили у государя нашего позволеніе воротиться въ Россію и поселились казаками. Въ русской деревнѣ этой, гдѣ мнѣ случилось быть, все было по русски, изба по нашему поставлена и все хозяйство, только буйволы вмѣсто воловъ и посуда, вмѣсто глиняной, мѣдная.

Хозяинъ мой былъ расторопный мужичина, который обрадовался русскому гостю, и онъ много распрашивалъ о Россіи, гдѣ, какъ сказывалъ, никогда не бывалъ. Вошелъ другой, перекрестился поздаровался и позвалъ хозяина съ собою; осталась одна хозяйка, молодая и видная бабенка, которой голосу я до того и не слыхалъ. Я заговорилъ съ нею, спросивъ

куда хозяина позвали. А Богъ ихъ вѣдаетъ, сказала она со вздохомъ — у нихъ свои дѣла; вотъ такъ день денской, ночь ночески.

По первому слову ея видно было, что она носитъ синій сарафанъ не съ издѣтства, промѣнявъ на него плахту и запаску, — то есть, что она изъ Малороссіи и стало быть между тамошними великорусами чужая. Я сказалъ ей это; она опять тяжело вздохнула, будто не вывела вздоха, робко оглянулась кругомъ, хоть и знала что тутъ никого небыло, — вдругъ зарыдала, упала мнѣ въ ноги и взмолилась: возьми меня, баринушко съ собой — увези меня отсюда, буду вѣковѣчная твоя работница, только увези!

Успокоивъ ее сколько могъ, я сталъ ее распрашивать и она мнѣ разсказала судьбу свою, прибавивъ: много, много на Руси такихъ дураковъ, которые думаютъ что тамъ и хорошо, гдѣ насъ нѣтъ; а кто попадетъ на чужбину, тотъ проплачетъ вѣкъ по своей родной землѣ — да ужъ поздно!

Я херсонская, сказала она, изъ такой–то деревни, а лѣтъ 15–ти была взята на барскій дворъ. Барыня полюбила меня и когда, года черезъ три, добрые люди стали просить за сыновей своихъ, то барыня отказала и тому и другому, сказавъ мнѣ, что для меня будетъ женихъ хорошій. Ну, воля барская, подумала я — хорошій, такъ хорошій; а мнѣ и въ дѣвкахъ сидѣть еще не надокучило.

На селѣ у насъ былъ староста, старикъ трезвый, смирный, хорошій, и таки не безъ достатка: всѣ знали, что у него, кромѣ полнаго хозяйства и двухъ плуговъ воловъ, есть еще и хорошія деньги. Онъ поклонился барынѣ и сталъ, по осени, просить меня, за втораго сына, Степана; барыня согласилась и меня стали готовить къ свадьбѣ.

Степанъ былъ изъ хорошей семьи, а отецъ его богатъ, такъ стали моему счастью всѣ завидовать. Отца у меня не было, а мать отъ радости, что Богъ далъ такъ пристроить дочь, молилась и плакала. Глядя на людей, и я имъ повѣрила и сама радовалась своему счастью. Сказать

правду, Степанъ и былъ таки человѣкъ добрый и любилъ меня; безъ малаго годъ жили мы своимъ хозяйствомъ, какъ живутъ добрые люди; хорошо мнѣ было тогда — и теперь, припоминая былое, не вѣрится, что было когда–то хорошо. Не въ волѣ счастье, а въ долѣ. Жили мы смирно, спокойно, вдругъ, отколь ни возмись недобрый человѣкъ — много грѣха на душу принялъ, — Богъ ему судья — онъ то и погубилъ насъ.

Мужъ мой, бывалъ всегда трезвый, тихій, работящій, что никто отъ него слова худаго не слыхалъ, воротился одинъ вечеръ съ работы — ровно самъ не свой; всю ночь прошатался онъ, либо въ кабакахъ, либо сама не знаю гдѣ, а утромъ воротился такой, что упаси Богъ — завалился спать. Что такое, думаю, надъ нимъ сталось? ни когда этого прежде не бывало, — за что наказалъ его Господь?

— Вечеромъ Степанъ всталъ, опять куда–то побрелъ, а ночью, воротившись, сказалъ мнѣ, что хочетъ уйти на волю, въ туречину: тамъ–де виноградъ, молочныя

рѣки, кисельные берега, медомъ маслятъ, сахаромъ солятъ, — ну, словомъ, житье, словно въ раю. Много онъ еще насказалъ мнѣ, что тамъ–де нѣтъ ни работы, ни повинностей, ни оброковъ, а весь народъ на боку лежитъ, и всѣ отъ Султана большое жалованье получаютъ; а земля такая, что все сама родитъ; а народу воля, на всѣ четыре стороны, ступай куда хочешь.

Я такъ и ахнула, — почуяло сердце, въ какую бѣду насъ волокутъ — заплакала было, такъ онъ на меня прикрикнулъ да пригрозилъ, какъ еще со дня свадьбы нашей не случалось, — и велѣлъ молчать, да собираться. Самъ онъ пробѣгалъ еще сутки двои, словно бѣшеный — прости Господи, — что я въ немъ узнать не могла прежняго Степана; даже два раза страшно пригрозился на меня, когда я стала плакать, да просить, чтобъ остался и не ходилъ на свою проклятую волю; онъ стращалъ, что убьетъ меня, коли я кому скажу одно слово.

У мужа своихъ денегъ было ста три; а какъ продавать вдругъ все хозяйство ему

нельзя было, чтобъ люди не догадались, то онъ продалъ только по тихоньку пару воловъ, да въ ту ночь, какъ мы уже совсѣмъ собрались, взялъ тайкомъ же у отца своего 200 рублей, да покинулъ ему въ своей избѣ записку — повинился во всемъ, просилъ чтобъ не искали его, что онъ–де ушелъ на вольную сторону, просилъ чтобъ отецъ не клепалъ за деньги на постороннихъ людей, а взялъ бы за это все хозяйство наше, и хлѣбъ и скотинку. Просилъ онъ въ письмѣ этомъ и отцовскаго благословенія, да гдѣ ужъ на такое дѣло искать благословеніе отца, чай проклялъ его, прости Господи, отъ того–то насъ Господь, за грѣхи наши, и погубилъ!

Вотъ о полуночи, забравъ мѣшки съ хлѣбомъ, которые припасли мы на дорогу, помолились мы и пошли. У меня такъ вотъ коломъ подперло и стало въ глоткѣ, что ни молиться, ни плакать, ничего не могу. Я не знала, куда и зачѣмъ мы идемъ; путемъ-дорогою только узнала все отъ мужа: старый бродяга, который изподъ-Москвы ушелъ въ Херсонъ, а оттуда сюда, въ

туречину, пришелъ съ Дуная на лодкѣ и стоялъ на Днѣпрѣ, въ лиманѣ, въ камышахъ, и колобродилъ по кабакамъ и базарамъ, подбивая народъ итти съ нимъ въ туречину, на волю. Онъ–то, вишь, подбилъ и мужа моего — царство ему небесное, и наговорилъ ему обманомъ и лукавствомъ про сытовыя рѣки, кисельные берега. Какъ услышала я что это онъ, то не стерпѣла, ровно со сна проснулась, зарыдала, заплакала, стала опять просить мужа воротиться; что–де ты такому злодѣю–шатуну вѣришь.... такъ онъ, сердечный, инно меня ударилъ;.... ударилъ въ первые и въ послѣдніе. — Богъ его проститъ, а я давно простила! Не для жалобы сказываю я это, а къ тому только, что тихій, смирный былъ онъ человѣкъ, никогда никого онъ не обижалъ, пальцемъ никого не трогалъ, я такъ и слова отъ него не слыхивала — а тутъ вотъ, какъ попала дурь эта въ голову, такъ свѣту Божьяго не взвидѣлъ — и самъ не свой, и самъ не знаетъ, что дѣлаетъ...

Шли мы всю ночь, со свѣтомъ залегли въ камышахъ, пролежали до ночи, тамъ

опять пошли, и пришли до свѣту на то мѣсто, гдѣ по примѣтамъ надо было стоять за камышами лодкѣ, — какъ тамъ называютъ: дубу. — Тутъ ломились мы глухими камышами по плавнѣ часа три — изъ силъ выбились было совсѣмъ, такъ что бросили было и хлѣбъ; отдохнувъ, однако, пошли далѣе, по звѣздамъ, потому что идешь по–колѣно и по–поясъ въ водѣ, а камыши лѣсъ–лѣсомъ стоятъ, такъ что свѣту Божьяго не видать.... Я думала, что тутъ намъ до–вѣку плутать, и пропасть, не увидавъ въ глаза живаго человѣка.... Однако, Богъ вынесъ, не знаю, къ добру–ли, — и вышли мы наконецъ на самый берегъ лимана. Не услышалъ Господь молитвы моей! а я молчу, говорить не смѣю ничего, а про себя только молюсь: умилосердись надъ нами, пошли намъ такую великую милость Свою, чтобъ не найти чего ищемъ, а пошатавшись воротиться домой.... нѣтъ, какъ только стала заниматься заря, то увидали въ сторонѣ, подъ берегомъ, въ камышахъ,

этотъ злорадный дубокъ.... до–вѣку его не забуду....

Хозяинъ принялъ насъ ласково, обрадовался намъ, поднесъ вина — мужъ, хоть прежде и былъ не пьющій человѣкъ, выпилъ, и меня выпить заставилъ. Вотъ, сказалъ злодѣй нашъ, видишь–ли, каково винцо? а и оно тамъ вольное; хоть самъ кури, хоть пей, хоть лей — хоть, пожалуй, самъ торгуй имъ — ни на что нѣтъ запрету! А что, сказалъ онъ, какъ поднесъ Степану другой стаканъ, а что братъ, скажи правду, собралъ таки деньжонокъ? Безъ денегъ–то вѣдь нигдѣ не живется, вездѣ плохо. Вотъ то–то, подумала я, а напередъ не то говорилъ; съ деньгами–то и у насъ хорошо, не зачѣмъ было въ бродяги итти.... А мужъ–то мой, какъ веселье его разобрало, и признайся ему, что сотъ–шесть будетъ, да и ударилъ себя рукою по груди, гдѣ въ тѣльной сумкѣ лежали онѣ у него.

Хозяинъ обрадовался — это–де хорошо; вотъ заживешь, говоритъ, такъ заживешь! тамъ на эти деньги и дворъ и землю купишь, и сады и огороды, и все, что твоей

душѣ угодно.... вотъ заживешь, такъ ужъ будешь вѣкъ благодарить; вѣкъ будешь меня помнить!... Охъ, и точно что заставилъ ты себя помнить — попутай и накажи тебя Богъ!

На другую ночь мы снялись съ якоря и вышли въ лиманъ. Такихъ же, что мужъ мой, что злодѣй этотъ сманилъ на волю, было на лодкѣ еще три человѣка: вотъ, что работника вы у насъ видѣли, такъ это одинъ изъ нихъ, — а молодка я одна. На дубу было съ хозяиномъ также три человѣка. Ночь прошла благополучно, а днемъ плыли мы недалеко, а подошедши подъ камыши, тамъ опять притаились. Вечеромъ снялись, да пошли; и теченіе и вѣтеръ были попутные, такъ мы къ свѣту вышли въ море. Насталъ опять вечеръ — и хозяинъ нашъ опять принялся поить своихъ гостей вольнымъ виномъ, радуясь, что благополучно ушли. Всѣ перепились и уснули. Я долго сидѣла и плакала, мужъ разсердился и прогналъ меня; я, не помня себя, свернулась и улеглась на другомъ концѣ ладьи, на носу, а они спали на

кормѣ. Съ зарей я проснулась, поглядѣла туда — спятъ еще всѣ, только кормщикъ стоитъ, да правитъ. Немного погодя, я опять поглядѣла — что–то больно жаль стало мнѣ мужа — тѣ проснулись: кто сидѣлъ, кто стоялъ, а Степана что–то не видать. Сердце такъ во мнѣ и заныло, словно, вотъ, тѣсно ему стало: а по чемъ и сама еще не знала. Поглядѣла я еще, пошла въ корму, пересмотрѣла всѣхъ — нѣтъ моего муженька, моего Степана! Я къ одному, я къ другому — всѣ молчатъ.... Господи, что такое сталось надъ нами грѣшными? Проклятые, что они надъ нимъ сдѣлали! Затѣмъ–то и доспрашивались они у него, много–ли–де у тебя денегъ! — Упоивъ его, хозяинъ снялъ съ него натѣльный денежникъ, а самого выкинули въ море! Господи, успокой грѣшную душу его, прости и помилуй его, хоть за мученическую смерть!

Она было замолчала, залившись слезами, а немного погодя опять взмолилась, чтобы я ее увезъ отселѣ, въ Россію. Я просилъ ее досказать, что

сталось съ прочими и съ нею самою. Да что–жъ, сказала она подгорюнясь, богатаго–то мужика сманили, обобрали, да утопили; а бѣдныхъ–то взяли въ кабалу: насчитали на нихъ за хлѣбъ, за вино, за провозъ, да выкупныхъ, что увезли на волю — вотъ и взяли ихъ въ вѣковѣчные работники себѣ, вотъ и воля. А имъ бѣднымъ здѣсь куда дѣваться? Все одна шайка, эти старые бродяги, всѣ за одного стоятъ — пожалуй, еще убьютъ, нешто возьмешь съ нихъ.

— Ну, а сама же ты какъ и при чемъ живешь теперь?

— Да какъ, сказала она, и опустила голову, будто не смѣла глядѣть на меня во всѣ глаза и тяжело вздохнула: — извѣстно, куда мнѣ дѣваться отъ этихъ злодѣевъ — наше дѣло сиротское — такъ вотъ и живу....

— Да у кого же ты живешь?

— У него же все, у хозяина.

— У какого–жъ хозяина?

— Да у того самого, что сердечнаго Степана–то сгубилъ, что приходилъ, да сманилъ его — это онъ самый и есть....

Горькая участь моя, баринушка, продолжала она, оглянувшись робко вокругъ и залившись слезами, — горькая участь моя! и утопиться–то не дали мнѣ, какъ я хотѣла кинуться въ море, туда же, гдѣ безбожники утопили бѣднаго моего Степана.... Хозяинъ сперва обманывалъ меня, божился, что мужъ мой пересѣлъ въ ночи на другой дубъ, который ушелъ впередъ, и что мы его уже застанемъ на мѣстѣ. Когда прибыли мы сюда, то стали меня утѣшать, что мужъ мой скоро будетъ; а ужъ послѣ сказали, что онъ пьяный утопился. Да нѣтъ, не вѣрила я имъ, съ самого начала: чуяло сердце мое, что они надъ нимъ сдѣлали. Разъ, одинъ работникъ нашъ, когда хозяина не было дома, сталъ тосковать и каяться, для чего покинулъ родину, послушавшись этого злодѣя, и ушелъ сюда, — работникъ этотъ сталъ было подговаривать меня бѣжать съ нимъ опять домой, да и признался мнѣ, что хоть и былъ самъ въ то время хмѣленъ, а видѣлъ и помнитъ, что Степана обобрали и утопили.

— Какъ же сама–то ты теперь живешь у хозяина?

— Да что — отвѣчала она, будто нехотя — и работаю, что въ домѣ случится по хозяйству, и обѣдать готовлю.... только что грѣха много приняла на душу свою.... неволя, батюшка; сами знаете, нашей сестрѣ одной, да еще и на чужбинѣ, куда дѣваться? Кто бы сталъ съ нимъ, съ окаяннымъ, связываться и знаться, кабы не неволя.... и что я перенесла побоевъ отъ него, что не соглашалась на грѣхъ.... и не знаю, какъ жива осталась!

Тутъ хозяинъ воротился въ избу, а хозяйка, отворотившись отъ насъ, чтобы не показать заплаканныхъ глазъ своихъ, стала возиться около печи. Хозяинъ подсѣлъ ко мнѣ ласково и весело, будто добрый человѣкъ, бесѣдовалъ, а утромъ выпроводилъ меня съ поклонами и пожеланіями, помянувъ нѣсколько разъ Бога, безъ котораго, по словамъ его, ни до порога, и отъ котораго онъ жѣлалъ мнѣ и самъ себѣ ждалъ, коли его святая воля будетъ, всякаго благополучія.

Вотъ какой ханжа, какой кощунъ былъ этотъ бродяга. Я уѣхалъ своимъ путемъ, а бѣдная хозяйка и двое ребятъ остались въ той же кабалѣ, какъ были, оплакивая въ позднемъ раскаяніи глупый разумъ свой.